

Таким образом, новеллы п. 2 ст. 200 ГК направлены на обеспечение стабильности гражданского оборота, а новые правила ГК даже при пропуске срока исковой давности предоставляют возможность защиты нарушенного права, что соответствует принципу добросовестности и позволяет суду в зависимости от конкретных обстоятельств принимать судебное решение,

соответствующее требованиям добросовестности и разумности. Однако подобный вопрос не возник бы, если в законе был прописан переходный период, предусматривающий срок для предъявления требований по «задавленным» обязательствам, либо отдельным правилам о сроке давности не придавалась бы обратная сила.

Список использованной литературы:

1. Архив Государственной Думы Федерального Собрания РФ.
2. Михеева Л.Ю. Об изменениях в нормах обязательственного и договорного права, непосредственно затрагивающих сферу нотариата // Бюллетень нотариальной практики. 2015. № 3. С. 2-4.
3. СПС «КонсультантПлюс».

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

С.Б. РОССИНСКИЙ, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Ключевые слова: информационная теория доказательств, доказывание, собирание доказательств, теория отражения, уголовно-процессуальное познание

В настоящей статье рассматриваются наиболее концептуальные проблемы, возникающие в настоящее время в методологии познания в уголовном судопроизводстве. Исследуя вопросы познания в контексте современных достижений гносеологии, психологии и психофизиологии в статье обосновывается вывод об отражении фрагментов объективной реальности не как о пассивном отпечатке, копии, снимке, а как об активном процессе, результаты которого, по мнению автора, могут быть не тождественны, а лишь относительно адекватны обстоятельствам объективной реальности, имеющим значение для уголовного дела.

This article describes the conceptual issues currently in the methodology of cognition in criminal proceedings. Exploring knowledge issues in the context of modern achievements of epistemology, psychology and neuroscience, the article proves the conclusion about the reflection of fragments of the objective reality, not as a passive imprint, copy the picture, but as an active process, the results of which in the opinion of the author may not be identical, and only relatively adequate to the circumstances of the objective reality of importance for the criminal case.

Key words: information theory of evidence, proof, collection of evidence, the theory of reflection, the criminal procedure knowledge

Вопросы уголовно-процессуального познания всегда вызывали большое количество бурных дискуссий. И это не удивительно. Ведь наряду с правовой сущностью оно имеет весьма глубокие философские (гносеологические) корни, которые подчас достаточно сложно облечь в созданную человеческим разумом и, кстати, далеко не всегда безгрешную процессуальную форму. Законы гносеологии существуют сами по себе и не связаны с установленными правилами человеческого общежития. Следовательно, теория уголовно-процессуального познания представляет собой совокупность научных положений, уже изначально наполненных целым спектром внутренних противоречий. Причем в условиях нестабильности существующей в нашем государстве процессуальной формы, достаточно частых, в том числе и кардинальных, реформ уголовно-процессуального закона обозначенные противоречия приобретают еще более острый характер. Существующие здесь проблемы, считает А.А. Давлетов, исчисляются несколькими десятками. И их количество постоянно возрастает, так как научное исследование различных аспектов уголовно-процессуального познания продолжает расширяться и углубляться¹. На сегодняшний день практически ни один вопрос, начиная с цели² и заканчивая частными вопросами познания в уголовном процессе, не получил своего окончательного разрешения.

В частности, в настоящее время возникает необходимость по-новому взглянуть на саму методологию уголовно-процессуального познания и переосмыслить некоторые положения, которых придерживались советские ученые процессуалисты. В отечественной науке традиционной методологической основой к сущности познания в уголовном судопроизводстве традиционно являлся диалектический материализм (в советский период — марксистско-ленинская диалектика); на нем вплоть до настоящего времени зиждется вся национальная теория доказательств; на него опирались и продолжают опираться фундаментальные процессуальные и

¹ Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 1997. С. 13-14.

² Туленков Д.П. К вопросу о характере истины в уголовно-процессуальном познании // Российская юстиция. 2012. № 8. С. 32-34.

криминалистические исследования³. Более того, диалектический материализм расценивался не просто как основной методологический подход. В контексте проводимой советским государством радикальной политики воззрения и идеи этой философской школы приобрели официальный государственный статус и фактически превратились в неоспоримую научную догму. Иные мировоззренческие позиции гносеологического характера, пусть даже выдвинутые в духе диалектического материализма, но тем не менее не соответствующие господствующей марксистско-ленинской идеологии, изначально были обречены на провал.

В последнее время отечественные философы, пытаясь наверстать упущенное, прикладывают немало усилий для изучения ведущих философских концепций XX века; основываясь на положениях критического рационализма, неореализма, неопозитивизма, прагматизма, феноменологии, герменевтики и других школ, ученые ищут новые концептуальные подходы к наиболее базовым категориям гносеологии. Очевидно, что такое стремительное развитие философской мысли рано или поздно приведет к переориентированию методологии юридического познания, объективно потребует пересмотра большинства существующих научных положений и создания новых, альтернативных теорий. Готова ли сегодняшняя юридическая наука к такому переосмыслению своих методологических основ? Данный вопрос представляется крайне сложным и неоднозначным, поскольку связь уголовно-процессуального, гражданского процессуального и других областей правовых знаний с философией существенно ослаблена. Расхождение между современным уровнем развития философского знания и теми философскими положениями, которые применяются при правовых теориях, становится все более вопиющим⁴. Многие разработки философской науки XX века по вопросам познания просто неизвестны или мало известны современным правоведам; их еще предстоит освоить, осмыслить и соотнести с имеющимися процессуальными представлениями.

В настоящее время резкий отход теории уголовно-процессуального познания от постулатов диалектического материализма пока реально невозможен; он, несомненно, повлечет за собой достаточно серьезные негативные последствия как в науке уголовного процесса, так и в правоприменительной практике. Тем более что в работах советских ученых унаследованы многие мировоззренческие идеи других философских школ и направлений, история которых насчитывает не одну сотню лет. Диалектико-материалистическое учение об истине является преемником классической концепции истины и вместе с тем представляет собой качественно новый этап в ее развитии. А истоки самой классической концепции восходят к античной философии; первые

попытки ее теоретического осмысления были предприняты еще Платоном и Аристотелем⁵.

Для юриспруденции в целом и для уголовно-процессуального права в частности наиболее разумным является умеренный консерватизм, не революционный, а именно эволюционный путь развития. Поэтому современные подходы к сущности познания в уголовном судопроизводстве должны носить в некотором роде компромиссный характер. Так, с одной стороны, методология процессуального познания не может быть полностью оторвана от диалектической теории⁶. Вместе с тем, с другой стороны, диалектико-материалистический подход не должен расцениваться как неоспоримая научная догма. Существующие в теории доказывания постулаты вполне могут получить новый виток своего развития в контексте заимствования ряда положений и взглядов из области других, в том числе современных, философских школ и течений. Именно в таком направлении нам видятся дальнейшие шаги в этом сегменте процессуальной науки.

Одним из наименее исследованных методологических вопросов сущности уголовного познания является вопрос, связанный с закономерностями восприятия дознавателем, следователем, судом сведений, имеющих значение для уголовного дела. Большинство отечественных процессуалистов и криминалистов традиционно оставляли эти проблемы за рамками своих работ, видимо, считая такие закономерности само собой разумеющимися и основанными на неоспоримом постулате марксизма-ленинизма о возможности отражения объективной реальности в сознании субъекта. Авторы некоторых фундаментальных исследований позиционировали уголовно-процессуальное познание (доказывание) как разновидность высшей формы отражения, характеризующейся известной степенью субъективизма⁷.

Отдельные ученые продвинулись в исследовании данных вопросов гораздо дальше своих коллег. В частности, В.Я. Дорохов писал, что в мышлении человека существуют, взаимодействуют, движутся не вещи, не предметы, а их образы, понятия, сведения о них⁸. Похожие позиции прослеживаются и в некоторых других научных исследованиях того времени. Иными словами, советские ученые фактически приблизились к концепции познания обстоятельств уголовного дела на основе неких субъективных образов, запечатленных в сознании дознавателя, следователя, судьи. Однако эти научные идеи так и не получили своего дальнейшего развития, очевидно из-за потенциальной опасности возникновения определенных противоречий с марксизмом-ленинизмом. Как полагает Л.А. Воскобитова, проблема отражения сознанием человека объективного мира никогда не была предметом специальных

³ В учебной литературе по уголовному процессу советского периода прямо рекомендовалось при изучении теории судебных доказательств использовать свои знания из курса марксистско-ленинской философии. См., например: Божьев В.П., Гаврилов А.К., Чугунов В.Е. Советский уголовный процесс. Общая часть: пособие для слушателей заочных отделений высших учебных заведений МВД СССР. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1973. С. 57.

⁴ Приленский В.И. Юриспруденция, философия и поиски объективной истины: проблемы институционализации одного философского понятия // Lex Russica (Научные труды МГЮА им. О.Е. Кутафина). 2013. № 4. С. 353-354.

⁵ Чудинов Э.М. Природа научной истины. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 13, 35.

⁶ Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 1997. С. 20.

⁷ Например: Курылев С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск: Белорусский госуниверситет им. В.И. Ленина, 1969. С. 11-12; Курс советского уголовного процесса. Общая часть. М.: Юрид. лит., 1989. С. 523-525; Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж: Воронежский госуниверситет, 1995. С. 108.

⁸ Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. М.: Юрид. лит., 1973. С. 207.

философско-правовых исследований; юристы используют как догму утверждения о познаваемости мира именно благодаря отражению как всеобщему свойству материи⁹. Хотя для справедливости следует обратить внимание, что советский диалектический материализм вовсе не отрицал наличия субъективных познавательных образов, а, напротив, утверждал об их существовании¹⁰. Упоминание образов встречается и в работах В.И. Ленина¹¹. Но вместе с тем советские философы относились к данной проблеме с большой осторожностью, не выходяли за рамки «дозволенного». В противном случае существовала реальная опасность перехода на позиции идеализма, который подвергался резкой критике. Например, Н.К. Вахтомин специально отмечал, что идеалисты извращенно толкуют активную роль субъекта в познании, превратив его в творца действительности, в некоего демиурга¹².

В настоящее время более не существует никаких идеологических преград для рассмотрения уголовно-процессуального познания вне зависимости от постулатов марксизма-ленинизма. Поэтому в современных условиях наибольшие научные усилия, связанные с развитием этого сегмента науки уголовного процесса, необходимо направить именно на исследование вопросов познания познавателем, следователем или судом обстоятельств уголовного дела на основании мысленных образов, то есть попытаться сделать то, что не было сделано советскими учеными-процессуалистами.

Одним из базовых положений современной теории доказательств является тезис о том, что субъект познания получает отраженную информацию от объекта посредством сигналов, передающихся в определенной форме¹³. Познаватель, следователь, судья, осуществляя познавательную деятельность посредством проведения тех или иных процессуальных действий, различным образом взаимодействуют с объектами познания, получая от них соответствующие информационные сигналы. В этой связи представляется достаточно справедливым выдвигаемый тезис, что механизмы психического отражения (восприятия, ощущения, представления) поступающих информационных сигналов и формирования на их основе определенных знаний об обстоятельствах, подлежащих установлению по уголовному делу, носят субъективный характер¹⁴. Но вместе с тем мы не можем

согласиться с другим утверждением, что само психическое отражение имеет материальную сущность, поскольку связано с объективно существующей нервной системой и организмом человека.

Психологи XIX века, труды которых, очевидно, и повлияли на мировоззренческие взгляды В.И. Ленина, действительно представляли восприятие как пассивный отпечаток внешнего воздействия в коре головного мозга. Видимо, именно эти научные воззрения и послужили основой для возникновения теории отражения человеком окружающего мира в ее марксистско-ленинском варианте. Советские мировоззренческие позиции наделяли отражение изоморфным характером, предполагающим известное тождество отражаемого и отраженного¹⁵. Так, авторы фундаментальной коллективной советской монографии по диалектическому материализму писали, что человек получает многообразные ощущения от предметов внешнего мира. Эти ощущения являются чувственным отражением (копией, снимком, образом) тех объективно реальных свойств предметов внешнего мира, которые воздействуют на органы чувств человека и являются поэтому доступными для непосредственно-чувственного познания¹⁶. Н.И. Дейнеко говорил об адекватном отражении внешне-материального во внутренне-идеальном как о процессе сугубо объективном¹⁷. В свою очередь, один из наиболее авторитетных советских философов, директор института философии АН СССР П.В. Копнин, кстати, активно цитируемый учеными-процессуалистами, отмечал, что познавательный образ — это не знак, не символ, не иероглиф, носящий условный характер, а отображение, копия, снимок с объекта¹⁸.

Позднее данные научные идеи выступили в качестве методологической базы для отечественных исследований в области доказательственного права. Поэтому мы согласны с Л.А. Воскобитовой, указывающей, что советская теория доказательств фактически рассматривала субъекта познания как лицо, осуществляющее беспристрастное и механическое отражение (фотографирование, копирование в своем сознании) объекта познания¹⁹.

Однако сегодняшняя наука подходит к данной проблеме с совершенно иных позиций. По этому поводу выдающийся отечественный психолог А.Р. Лурия писал, что современные ученые рассматривают восприятие как активный процесс поиска требуемой информации, выделения существенных признаков, сличения их между собой, создания адекватных гипотез

⁹ Воскобитова Л.А. Философские аспекты проблем познания в уголовном судопроизводстве // *Философские науки*. 2013. № 12. С. 28.

¹⁰ Например: Нарский И.С. Актуальные проблемы марксистско-ленинской теории познания. М.: Знание, 1966. С. 34; Дейнеко Н.И. Объективное и субъективное в процессе отражения (философский аспект). Киев—Одесса: Вища Школа, 1978. С. 87 и т.д.

¹¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений в 55 т. Т. 18. Материализм и эмпириокритицизм. М.: Политиздат, 1968. С. 114.

¹² Вахтомин Н.К. О роли категорий сущность и явление в познании. М.: АН СССР, 1963. С. 12.

¹³ Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. М.: Юрид. лит., 1973. С. 215.

¹⁴ Там же. С. 216; Балакшин В.С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2004. С. 13; Писарев Е.В. Информационное содержание процесса доказывания // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В.А. Лазаревой. Вып. 5. Самара: Самарский госуниверситет, 2010. С. 297.

¹⁵ Например: Тютин В.С. Отражение, системы, кибернетика. Теория отражения в свете кибернетики и системного подхода. М.: Наука, 1972. С. 79–85; Диалектика процесса познания / под ред. М.Н. Алексеева, А.М. Коршунова. М.: Московский университет, 1985. С. 26.

¹⁶ Диалектический материализм / под общ. ред. Г.Ф. Александрова. М.: Государственное издательство политической литературы, 1954. С. 389.

¹⁷ Дейнеко Н.И. Объективное и субъективное в процессе отражения (философский аспект). Киев—Одесса: Вища Школа, 1978. С. 12.

¹⁸ Копнин П.В. Гносеологические и логические основы науки. М.: Мысль, 1974. С. 106.

¹⁹ Воскобитова Л.А. Некоторые особенности познания в уголовном судопроизводстве, противоречащие мифу об истине // Библиотека криминалиста. 2012. № 4 (5). С. 61. Она же. Философские аспекты проблем познания в уголовном судопроизводстве // *Философские науки*. 2013. № 12. С. 26.

и последующего сличения этих гипотез с исходными данными²⁰. В основе восприятия, безусловно, лежит декодирование поступающих в кору головного мозга нервных импульсов. Если в процессе сенсорного кодирования формируется модель стимула — писал В.П. Зинченко, — то в процессе восприятия создается и используется модель предмета²¹. Вместе с тем вплоть до настоящего времени специалистам не удалось детально изучить психофизиологическую природу декодирования; эти механизмы во многом остаются непонятными. Как происходит переход нервных импульсов в результаты восприятия (перцепты²²) и какие причины обуславливают превращение допсихических сенсорных процессов в процессы восприятия? На этот вопрос можно ответить пока что лишь гипотетически²³, высказав соответствующие предположения²⁴. Таким образом, на сегодняшний день в психологической науке не существует каких-либо убедительных позиций, выражающих материальную связь между объективно существующей сенсорной системой и возникающими в ходе восприятия результатами (перцептами). Г.А. Зорин в своих работах выделяет целый спектр возможных ошибок следователя при приеме и декодировании информации²⁵. В данном случае скорее можно говорить не столько о материальности, сколько об относительной адекватности восприятия.

Мы не можем согласиться с выдвигаемым советской философской наукой тезисом о восполнении пробелов человеческого восприятия объективной реальности, связанных с ограниченными возможностями органов чувств, за счет способностей обнаружения и определения причин подобных искажений²⁶. Ведь еще в начале XX века немецкий философ Э. Кассирер, солидаризируясь с точкой зрения своего соотечественника физиолога Г. Гельмгольца, писал, что представления не являются отображениями предметов. Требуя от образа некоторого подобия с отображаемым объектом, человек тем не менее никогда не может быть уверен в этом подобии²⁷. Кстати, позднее эта точка зрения активно критиковалась советскими философами как, с одной стороны, заимствованная из идеалистических воззрений И. Канта, а с другой — обусловленная

естествознанием, которое не может решить вопроса о природе познания в его отношении к объекту, а дает лишь некоторые фактические данные для его решения²⁸. Развивая указанные идеи, известный британский философ XX века К.Р. Поппер весьма критически оценивал используемый в марксистско-ленинской диалектике подход, называя его «бадейной» теорией или теорией «*Tabula rasa*» (от латинского «чистая доска»). Суть этого подхода — писал ученый — заключается в том, что человеческое сознание представляет собой пустую бадью (чистую доску), где накапливается материал, поступающий туда через органы чувств. Причем, по мнению автора, одной из основных ошибок «бадейной» теории является тезис о том, что существует непосредственное, или прямое, знание, то есть чистые, неискаженные элементы информации, которые вошли в нас и остаются пока не переваренными. Ученый также указывал: «Почти все люди хорошие наблюдатели и восприниматели, но не следует класть этот факт в основание какого бы то ни было догматизма прямого, непосредственного или интуитивного знания, поскольку мы иногда ошибаемся; мы никогда не должны забывать о нашей погрешимости». Он подчеркивал, что люди редко ошибаются в своих восприятиях благодаря изощренному аппарату декодирования с его многочисленными встроенными контрольными устройствами. Но это вовсе не означает, что результаты человеческого восприятия следует приравнять к каким-то стандартам надежности или истинности. Механизмы восприятия человеком окружающего мира, по мнению К.Р. Поппера, следует сравнивать с работой опытного фотографа, который редко ошибается в выборе выдержки благодаря его тренировке и навыку. При этом его снимки вовсе не надо рассматривать как стандарты правильной выдержки²⁹.

Кстати, аналогичные взгляды можно встретить и у некоторых отечественных специалистов. Так, советский философ Э.М. Чудинов, известный своими достаточно вольными взглядами в вопросах диалектического материализма, подвергал критике «наивные» формы классической концепции истины (напомним, что эта концепция явилась базой для диалектического материализма и легла в основу советской теории доказывания) именно из-за представлений о простом копировании сознанием реальности. Он писал, что соответствие знаний действительности не является простым и однозначным, а сопряжено с целым рядом конвенций и соглашений³⁰. Более того, отдельные зачатки этих идей находят отражение и в традиционных марксистско-ленинских философских работах периода «развитого социализма». В частности, один из ведущих отечественных специалистов в области диалектического познания А.П. Шептулин говорил, что сознание не просто отражает действительность, а отражает ее субъективно, не пассивно, а активно, с определенными изменениями, преобразованиями, не механически, а творчески³¹. Аналогичные

²⁰ Лурия А.Р. Основы нейропсихологии: учеб. пособие для студентов вузов. 6-е изд. М.: Издательский центр «Академия», 2008. С. 232.

²¹ Восприятие и действие / под ред. А.В. Запорожца. М.: Просвещение, 1967. С. 40.

²² Перцепт — то, что воспринято. Перцепт не следует путать с каким-либо физическим объектом или энергией, которая воздействует на рецептор. В конечном счете перцепт — феноменологическое или чувственное понятие; это результат процесса восприятия. См., например: Электронная психологическая энциклопедия. — URL: http://mirslivarej.com/content_psy/percept-27454.html#ixzz2aRt2blRy.

²³ Восприятие и действие / под ред. А.В. Запорожца. М.: Просвещение, 1967. С. 40.

²⁴ Маклаков А.Г. Общая психология. СПб.: Питер, 2001. С. 431, 434.

²⁵ Зорин Г.А. Тактический потенциал следственного действия. Минск: Белорусский госуниверситет им. В.И. Ленина, 1989. С. 33.

²⁶ Стемпковская В.И. О роли абстракций в познании. М.: АН СССР, 1959. С. 5.

²⁷ Кассирер Э. Познание и действительность. СПб.: Шиповник, 1912. С. 394.

²⁸ Копнин П.В. Гносеологические и логические основы науки. М.: Мысль, 1974. С. 103-104.

²⁹ Поппер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход / пер. с англ. Д.Г. Лахути / отв. ред. В.Н. Садовский. М.: Эдиториал УРСС, 2002. С. 67, 69-70.

³⁰ Чудинов Э.М. Природа научной истины. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 18.

³¹ Шептулин А.П. Диалектический метод познания. М.: Политиздат, 1983. С. 101.

взгляды как бы вскользь просматриваются и в трудах П.В. Копнина³².

В современной философии и психологии такая особенность восприятия человеческим сознанием отраженных обстоятельств объективной действительности называется принципом активности. Каждый человек воспринимает одни и те же события или явления по-разному, посредством сугубо индивидуальной работы своих органов чувств, течения психофизиологических процессов и при активной роли сознания, то есть субъективно. Полагаем, что одно только это обстоятельство уже вызывает серьезные сомнения по поводу материального (зеркального) характера восприятия и, следовательно, всего отражения субъектами уголовно-процессуального познания объективной реальности.

Несмотря на всю значимость восприятия, данный процесс позволяет сформировать в сознании человека лишь результаты восприятия (перцепты), выполняющие хотя и важную, но лишь промежуточную роль в познании окружающего мира. Перцепт еще не является полноценным мысленным образом какого-либо события или явления. Как отмечал американский психолог У. Найссер, образы не являются воспроизведениями или копиями ранее сформированных перцептов; образы — это не картинки в голове, а планы сбора информации

из потенциально доступного окружения³³. В свою очередь, известный французский философ XX века П. Рикёр писал, что сознание — это то, что получает свой смысл только в последующих образах, то есть некий новый образ, который может обнаружить смысл предшествующих образов задним числом³⁴. Поэтому современные ученые выделяют более сложную (высшую) форму познания — представление (гнозис), то есть способность узнавать предметы по чувственным восприятиям. Гнозис позволяет сопоставить воспринятые перцепты с какими-то отдельными фрагментами, запечатленными в памяти субъекта, и тем самым сформировать полноценный мысленный образ определенного объекта познания. Принимая во внимание производность гнозиса от функции восприятия, полагаем, что он также никоим образом не может расцениваться как имеющий материальную основу. И, следовательно, его результаты — мысленные образы — нельзя рассматривать как зеркальные отражения реальных объектов познания. Здесь скорее также уместно говорить об их относительной адекватности по отношению к объективной действительности.

³³ Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии / пер. с англ. В.В. Лучкова. М.: Прогресс, 1981. С. 47.

³⁴ Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. с фр. И.С. Вдовиной. М.: Академический проект, 2008. С. 177.

³² Копнин П.В. Гносеологические и логические основы науки. М.: Мысль, 1974. С. 106-107.

Список использованной литературы:

1. Балакшин В.С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2004.
2. Божьев В.П., Гаврилов А.К., Чугунов В.Е. Советский уголовный процесс. Общая часть: пособие для слушателей заочных отделений высших учебных заведений МВД СССР. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1973.
3. Вахтомин Н.К. О роли категорий сущность и явление в познании. М.: АН СССР, 1963.
4. Восприятие и действие / под ред. А.В. Запорожца. М.: Просвещение, 1967.
5. Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 1997.
6. Дейнеко Н.И. Объективное и субъективное в процессе отражения (философский аспект). Киев—Одесса: Вища Школа, 1978.
7. Диалектика процесса познания / под ред. М.Н. Алексеева, А.М. Коршунова. М.: Московский университет, 1985.
8. Диалектический материализм / под общ. ред. Г.Ф. Александрова. М.: Государственное издательство политической литературы, 1954.
9. Зорин Г.А. Тактический потенциал следственного действия. Минск: Белорусский госуниверситет имени В.И. Ленина, 1989.
10. Кассирер Э. Познание и действительность. СПб.: Шиповник, 1912.
11. Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж: Воронежский госуниверситет, 1995.
12. Копнин П.В. Гносеологические и логические основы науки. М.: Мысль, 1974.
13. Курс советского уголовного процесса. Общая часть. М.: Юрид. лит., 1989.
14. Курылев С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск: Белорусский госуниверситет им. В.И. Ленина, 1969.
15. Ленин В.И. Полное собрание сочинений в 55 т. Т. 18. Материализм и эмпириокритицизм. М.: Политиздат, 1968.
16. Лурия А.Р. Основы нейропсихологии: учеб. пособие для студентов вузов. 6-е изд. М.: Издательский центр «Академия», 2008.
17. Маклаков А.Г. Общая психология. СПб.: Питер, 2001.
18. Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии / пер. с англ. В.В. Лучкова. М.: Прогресс, 1981.
19. Нарский И.С. Актуальные проблемы марксистско-ленинской теории познания. М.: Знание, 1966.
20. Поппер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход / пер. с англ. Д.Г. Лахути / отв. ред. В.Н. Садовский. М.: Эдиториал УРСС, 2002.
21. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. с фр. И.С. Вдовиной. М.: Академический проект, 2008.
22. Стемповская В.И. О роли абстракций в познании. М.: АН СССР, 1959.
23. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. М.: Юрид. лит., 1973.
24. Тютин В.С. Отражение, системы, кибернетика. Теория отражения в свете кибернетики и системного подхода. М.: Наука, 1972.
25. Чудинов Э.М. Природа научной истины. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
26. Шептулин А.П. Диалектический метод познания. М.: Политиздат, 1983.